

понятие владычества, ясно, что папа и император как таковые должны быть отнесены к категории отношения, а следовательно, сведены к чему-то входящему в этот род. На основании сказанного я говорю, что одно есть мера, к которой их надлежит сводить в качестве людей, другая – к которой их надлежит сводить в качестве папы и императора. Ведь, поскольку они люди, их надлежит сводить к лучшему человеку, который есть мера всех прочих людей и, если можно так выразиться, идея для существующего в своем роде как максимально единого, кто бы он ни был, о чем можно прочесть в последних книгах «Никомаховой этики». Поскольку же они суть некоторые элементы отношения, то очевидно, что их следует сводить либо одного к другому (если один подчиняется или если они имеют какую-то общность в виде благодаря природе своего отношения), либо к чему-то третьему как к общему для обоих единству. Но нельзя говорить, что один подчинен другому, ибо тогда один был бы предикатом другого, что ложно. Ведь мы не говорим, что император есть папа или наоборот. И нельзя говорить, что они имеют общность в виде, коль скоро одно есть понятие папы, а другое – понятие императора как таковых. Следовательно, они сводятся к чему-то, в чем должны объединяться.

Для понимания этого следует знать, что как одно отношение относится к другому, так и один элемент отношения – к другому. Если, таким образом, папская и императорская власть, будучи отношениями начальствования, должны быть сведены к отношению начальствования, от которого они происходят вместе со своими отличительными признаками, то папа и император, будучи элементами отношения, должны будут сводиться к чему-либо одному, в чем имеется это же самое отношение начальствования, но без прочих отличительных признаков. И это одно будет либо Сам Бог, в котором становится единым вообще всякое отношение, либо некая субстанция ниже Бога, в которой отношение начальствования уточняется посредством отличительного признака начальствования, проистекая из простого отношения. Итак, становится ясным, что папа и император, поскольку они люди, должны сводиться к одному, но, поскольку они папа и император, должны сводиться к другому; а отсюда становится ясным и ответ на приведенное возражение.

ХIII.

Изложив и отведа заблуждение, на которые всего больше опираются те, кто утверждают, будто власть римского императора зависит от римского первосвященника, нужно вернуться к раскрытию истины нашего третьего вопроса, который с самого начала намечался в качестве предмета обсуждения. Истина эта станет явной в достаточной мере, если, руководясь в исследовании намеченным началом, я покажу, что упомянутая власть зависит непосредственно от вершины всего сущего, то есть от Бога. И это будет показано либо при условии, что власть церкви можно отделить от власти императора (поскольку о власти церкви спора нет), либо если путем прямого доказательства можно будет доказать, что власть империи зависит непосредственно от Бога. Что власть церкви не есть причина власти императорской, доказывается так. То, при отсутствии чего или при бездействии чего нечто сохраняет всю свою силу, не есть причина этой силы; но при отсутствии церкви или бездействии ее империя имела всю свою силу; следовательно, церковь не есть причина силы империи, а потому и не есть причина ее власти, поскольку сила и власть – одно и то же. Пусть церковь – А, империя – В, власть или сила империи – С. Если С заключено в А при отсутствии А, невозможно А быть причиной того, что С заключено в В, ибо невозможно, чтобы действие предшествовало в своем бытии причине. Притом, если С заключено в В при бездействии А, неизбежно доказывается, что А не есть причина того, что С заключено в В, ибо для произведения действия должна сначала проявить свое действие причина, и в особенности причина действующая, которая здесь имеется в виду. Формулировать большую посылку доказательства – это значит доказать ее; меньшую посылку подтверждают Христос и церковь. Христос – Своим рождением и смертью, как было сказано выше, а церковь – словами, которые Павел в Деяниях апостолов говорит Фесту: «Я стою перед судом цезаря, где мне и надлежит быть судимым», ибо и ангел Божий вскоре сказал Павлу: «Не бойся, Павел, тебе надлежит предстать перед цезарем». И ниже Павел вновь говорит иудеям, находящимся в Италии: «Но так как иудеи противоречили, я принужден был потребовать суда от цезаря, не с тем чтобы обвинить в чем-либо мой народ, но чтобы избавить душу свою от смерти». Если бы цезарь